

Мы, члены Комиссии, взяли на себя инициативу по ее созданию и приняли на себя ответственность за ее работу и результаты этой работы. В данном Докладе мы сообщаем о результатах проделанной работы и наших выводах, осознавая свою ответственность перед российским обществом. Мы убеждены в необходимости объективного информирования общества как о событиях 6-го мая, так и о действиях власти, связанных с этими событиями.

2. Состав Комиссии

Председатель Московской Хельсинской группы Людмила Алексеева, правозащитник Валерий Борщев, правозащитник и журналист Зоя Светова, правозащитник Лев Пономарев, писатель и правозащитник Алексей Симонов, народная артистка России Лия Ахеджакова, писатель Владимир Войнович, ученый и общественный деятель Дмитрий Зимин, кинорежиссер Андрей Смирнов, режиссер документального кино Виталий Манский, режиссер анимационного кино Гарри Бардин, журналист Александр Рыклин, народный артист России Игорь Ясулович, поэт Лев Рубинштейн, социолог Георгий Сатаров, академик Юрий Рыжов, журналист Сергей Пархоменко, фотограф, журналист и активист волонтерского движения Дмитрий Алешковский, журналист и правозащитник Ольга Романова, народная артистка России Наталья Фатеева, экономист Евгений Ясин, кинорежиссер Владимир Мирзоев, режиссер анимационного кино Юрий Норштейн, правозащитник Наталья Горбаневская, журналист Александр Подрабинек, журналист Владимир Корсунский.

3. Общественная обстановка в преддверии событий 6-го мая

Событиям 6 мая 2012 года предшествовал колоссальный спонтанный всплеск активности граждан. Однако его нельзя признать неожиданным. Его готовили три неизбежные взаимосвязанные тенденции.

Первое. Конец 1990-х годов характеризовался усталостью общества от предшествующих тяжелейших реформ и социальных потрясений, что привело к возрождению упований на «сильное государство». Тяготы переходного периода на фоне постреволюционного синдрома заставляли большинство людей концентрироваться на индивидуальном выживании. Резко упали гражданская и политическая активность. Все это, помимо других причин, способствовало переходу к режиму персоналистской власти и подавлению автономности конституционных институтов. Рост цен на углеводороды подтолкнул

российские элиты на путь наименьшего сопротивления: эксплуатации и присвоения природной ренты при консервировании нарастающей неэффективности государственных институтов, экономических и социальных проблем, периодически латаемых денежными вливаниями. Де-факто установился неформальный общественный договор, согласно которому общество пассивно оставляло власти свободу присвоения ренты, а власть не посягала на индивидуальные свободы, отдавая часть доходов от природной ренты для поддержания сносного жизненного уровня граждан.

Второе. Пассивность общества сформировала у российской элиты устойчивую практику поправок Конституции РФ и других российских законов ради удержания власти. Судебная система, которая в течение 80 лет являлась лишь подразделением административного аппарата и только в первой половине 1990-х гг. начала осознавать свою самостоятельную роль в формировании общественного согласия, была легко «поставлена на место». Те судьи, которые, ощутив свою реальную независимость, пытались действительно служить закону, были удалены, и правовая система лишилась своей необходимой части – независимых судов. Независимость судебной системы от администрации и силовых структур вновь была разрушена, так и не успев возродиться. При этом легкие декорации, предназначенные придавать происходящему вид легитимности, изнашивались и ощущались представителями власти как все более и более несущественные и обременительные на фоне молчащего общества. Малочисленность и пассивность оппозиции формировала у власти устойчивый рефлекс возможности игнорирования оппозиционных настроений в обществе. Это, в свою очередь, вело к радикализации оппозиции.

Третье. Одновременно происходила смена поколений, включавшая появление настоящих «новых русских» – представителей среднего класса в его современном понимании. Это люди, выросшие после краха коммунистического проекта, в условиях относительной свободы, не отгороженные от остального мира «железным занавесом», сбросившее бремя патриархального советского патернализма, способные достичь личного успеха. Эти люди осознают уверенность в своих силах, переходящую в чувство собственного достоинства, часто неосознанное, поскольку оно не культивировалось в нашей стране почти 100 лет.

Подавляющая часть нового среднего класса в течение 10–15 последних лет была далека от политики. Однако нарастающая неэффективность государства ставила общество перед постоянно возникающими социальными проблемами. Средний класс быстро учился объединяться для совместного решения таких проблем, нередко одерживая победы. Власть не обращала внимания на представителей этого класса, поскольку направленная в

социальную сферу общественная активность не несла прямой угрозы устойчивости власти. Однако неэффективность государства, воспроизводство все более усугубляющихся проблем, отсутствие нормального диалога между властью и обществом должны были рано или поздно поставить средний класс перед очевидным фактом: решение социальных проблем упирается в политические преграды, воздвигнутые властью за прошедшее десятилетие. Необходимо было только событие, которое стало бы «спусковым крючком», отпустившим сжатую пружину недовольства.

Такое событие произошло 24 сентября 2011 г.: на предвыборном съезде партии «Единая Россия» Президент РФ Д. Медведев предложил выдвинуть Председателя Правительства РФ В. Путина в качестве кандидата на предстоящих президентских выборах. Последний, в свою очередь, обещал после победы на выборах представить бывшего президента на пост главы российского правительства. И помпезно-гламурная обстановка мероприятия, и циничное попрание Конституции, оформившее «рокировку» членов дуумвирата, были полностью в русле сформировавшейся за последние годы практики власти. Поэтому непривычно массовая возмущенная реакция среднего класса оказалась неожиданной для всех: для власти, для немногочисленной традиционной оппозиции и для самого среднего класса, увидевшего и осознавшего себя на митингах протеста.

Чувство собственного достоинства среднего класса, оскорбленное Путиным и Медведевым, быстро канализировалось в конструктивное русло участия в наблюдении за выборами. Подготовка оппозиции к разоблачениям очередных привычных нарушений на выборах получила большое число волонтеров, проходивших предварительную подготовку и затем присутствующих на избирательных участках в различных городах России в день голосования. Результаты выборов, несмотря на массовые нарушения законов, показали явное падение популярности власти; «Единая Россия» утратила конституционное большинство в парламенте, а получение ею незначительного простого большинства стало результатом открытых и беспрецедентных по масштабу противозаконных махинаций. В результате разбуженное чувство собственного достоинства, первоначально оскорбленное дуумвирами, нашло новые мишени в лице «Единой России» и Центризбиркома. Это стало ясно на первом массовом митинге 10 декабря 2011 г., на котором средний класс, представленный десятками тысяч людей, потребовал возврата украденных выборов.

Первый массовый митинг проявил запрограммированную всем предшествующим опытом неготовность власти адекватно реагировать на протест. Вместо диалога последовали оскорбления. В результате главной

мишенью недовольства стал Путин, атмосфера из доброжелательно-насмешливой трансформировалась в остро-сатирическую, а требования стали более радикальными. При этом важно подчеркнуть, что все без исключения массовые протестные митинги проходили предельно организованно, в атмосфере, несовместимой с квалификацией хоть сколько-нибудь напоминающей «массовые беспорядки».

В преддверии президентских выборов власть, серьезно опасаясь за их результат, пошла на имитацию переговоров с оппозицией. Впрочем, исключительно имитационный характер этих шагов проявился достаточно быстро. Поэтому главным каналом внеуличной протестной активности стала подготовка к президентским выборам на базе новой, невиданной ранее в России, волны волонтеров.

Контроль за выборами бил по наиболее болезненному для власти месту, связанному с ее нелегитимностью. До осени 2011 года факт нелегитимности российской власти осознавался только двумя неравными группами населения. Первая, небольшая – это оппозиция. Вторая, весьма многочисленная – это бюрократия, составлявшая путинскую вертикаль власти. Первая группа была неопасна для власти в силу своей малочисленности. Вторая сама была заинтересована в нелегитимности высшей политической власти, ибо нелегитимность делает политическую власть зависимой от бюрократии. После 24 сентября 2011 г. и очередных противозаконных парламентских выборов тема нелегитимности власти вышла за узкие границы традиционной оппозиции и стала обсуждаться в существенно более широких кругах, кратно превышающих число выходящих на митинги и марши.

Именно тема нелегитимности власти образовала главный стержень событий, происходивших после президентских выборов. Поскольку основным очагом протеста была Москва, и поскольку именно в Москве образовалась крайне высокая концентрация наблюдателей, власть здесь отказалась от массового применения традиционных технологий нарушений, ограничившись экспериментами с новыми технологиями. Не случайно Путин не смог набрать в Москве более половины голосов. Но за пределами Москвы нарушения были не менее масштабными, чем раньше.

На этот раз результаты выборов произвели временный деморализующий эффект, и на два митинга, прошедших по следам президентских выборов, пришло существенно меньше людей, чем до этого. Но к маю 2012 г. стало ясно, что протест не захлебнулся, точно так же, как он не был «растворен» ранее новогодними праздниками и зимними каникулами. Главной причиной восстановления протестной активности было понимание нелегитимности

власти, которая готовилась 7 мая 2012 г. к инаугурации вновь избранного, по заключению Центризбиркома, президента.

В преддверии инаугурации власть не могла допустить проведения массового митинга, главной темой которого должна была стать нелегитимность победы Путина, узурпировавшего президентский пост с помощью массовых нарушений закона. Только власть, осознающая свою нелегитимность, могла пойти на то, чтобы обезлюдеть Москву в день празднования инаугурации президента. Власть боялась избирателей, и именно страх вместе с комплексом нелегитимности, страх перед «цветными революциями» стал фоном, на котором разворачивались события 6 мая 2012 года на Болотной площади в Москве.

Следует отметить также, что российская власть ни до 6 мая 2012 года, ни после не получала от митингующих ни одного повода для массового применения насилия.

Выводы раздела

Коротко резюмируя приведенный очерк политической ситуации, важно отметить следующее. Действующая власть сформировалась в условиях, не предусматривавших необходимость равноправного диалога с обществом, и не привыкла к такому диалогу. При ослабленном и уставшем от революционных потрясений обществе группа, захватившая власть, безнаказанно расширила использование властных полномочий для незаконного личного обогащения. Это привело к тому, что потеря власти стала для этой группы жизненно важной угрозой, а люди, проявляющие свободную политическую волю – личными врагами.

Такие люди появились неизбежно, ибо путинская Россия сохранила открытость внешнему миру, свойственную 1990-м годам, а власть, концентрировавшаяся на воровстве, не была готова к тотальному контролю над обществом, оставляя ему значительные зоны неполитических свобод. Новое образованное поколение, выросшее в этих условиях, рано или поздно должно было проявить себя, реагируя на неэффективность, цинизм и преступность действующей власти, что и произошло в 2011-2012 годах. Возникший массовый протест имеет моральную основу, политическую направленность, сатирическое содержание и абсолютно мирную форму.

Власть, воспринявшая этот протест и его носителей как прямую и непосредственную жизненную угрозу, решила, что она может сохранить себя только при условии полного подавления протеста любыми средствами, не ограниченными рамками закона. Это решение воплотилось в действиях власти 6 мая 2012 года.